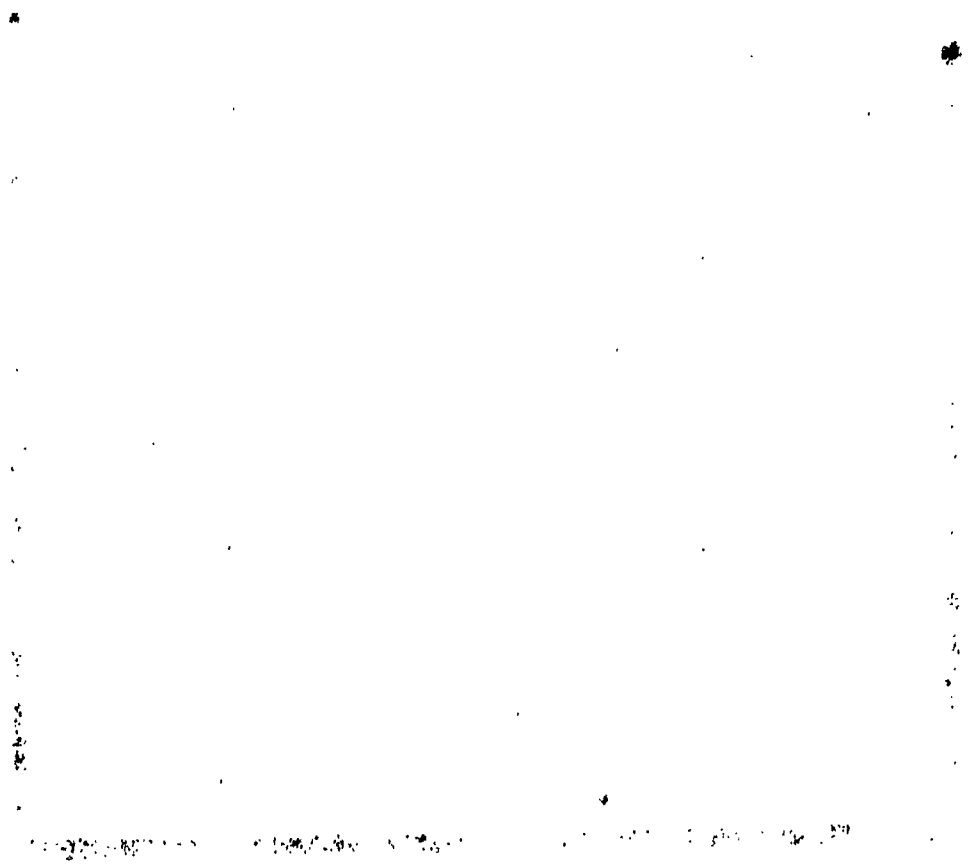

Николай Евсеевич
Гротъ.
(1852 — 1899).

Московское Психологическое Общество глубоко поражено горестной и тяжелой утратой. Въ ночь съ 22 на 23 минувшаго мая безвременно скончался его предсѣдатель и почетный членъ Николай Яковлевичъ Гротъ. Невыразимо-больно заносить эту печальную вѣсть на страницы того самаго журнала, который былъ призванъ къ жизни инициативой и энергіей Николая Яковлевича. Психологическое Общество навсегда сохранитъ яркое и признательное воспоминаніе о своемъ незабвенномъ руководителѣ и въ славной памяти усопшаго будетъ находить нравственную опору и поддержку для своихъ дальнѣйшихъ трудовъ.

Николай Яковлевич Гротъ.

(† 23 мая 1899 г.).

Печальный годъ переживаетъ Москва. Не слышно о какихъ-нибудь опасныхъ эпидеміяхъ, а сколько безвременныхъ, неожиданныхъ смертей! Сколько сошло въ могилу весьма замѣтныхъ лицъ изъ нашей интеллигенціи, и безъ того небогатой силами! Особенно пострадало наше Психологическое Общество. Въ самое короткое время изъ его рядовъ выбыли такіе люди, какъ М. С. Корелинъ, Л. И. Поливановъ, М. М. Троицкій. Не успѣло нѣсколько стихнуть острое чувство отъ этихъ потерь, какъ пришла потрясающая вѣсть о внезапной кончинѣ Николая Яковлевича Грота. Трудно прійти въ себя отъ этого новаго удара, одуматься и оцѣнить всю важность этого новаго несчастія. Но и теперь слишкомъ ясно видно, какой роковой моментъ переживаетъ Общество: покойный Н. Я. Гротъ сдѣлалъ для него такъ много, какъ никто.

Когда онъ впервые появился среди насъ, Московское Психологическое Общество уже пользовалось общимъ уваженіемъ, но для большинства образованной публики оно все же оставалось далекимъ и чуждымъ, какъ одно изъ специальныхъ научныхъ учрежденій, которыхъ такъ много въ Москвѣ. Едва сталъ въ его главѣ Н. Я. Гротъ, какъ все перемѣнилось: оно превратилось въ одинъ изъ популярнѣйшихъ центровъ не только московскаго, но и русскаго просвѣщенія вообще. Прошло немного времени, и Общество

выпустило въ свѣтъ цѣлый рядъ томовъ своихъ трудовъ и изданій,—оно имѣло собственный философскій журналъ съ неожиданно большимъ для Россіи кругомъ читателей,—его засѣданія, когда оно ихъ дѣлало открытыми для всѣхъ, привлекали толпы усердныхъ посѣтителей. Н. Я. Гротъ обладалъ рѣдкимъ, удивительнымъ даромъ: онъ умѣлъ заражать своимъ интересомъ къ самымъ отвлеченнымъ проблемамъ знанія всѣхъ, съ кѣмъ онъ сталкивался. И мы присутствовали при поучительномъ зрѣлищѣ: вопросы о свободѣ воли, о духѣ и матеріи, о времени, о сохраненіи энергіи и т. д. приковывали общественное вниманіе, становились предметомъ живого обсуждения среди студентовъ, дамъ, военныхъ, сельскихъ учителей и священниковъ. Нѣкоторые рефераты, читанные на нашихъ засѣданіяхъ, приобрѣтали прямо характеръ общественныхъ событій. Инициаторомъ, — скажу больше, — творцомъ всего этого подъема силъ былъ Н. Я. Гротъ. И вотъ его нѣтъ больше. Я глубоко увѣренъ: нашему Обществу всегда будетъ принадлежать большое и почетное мѣсто въ судьбахъ русскаго просвѣщенія. Но мужественно взглянемъ въ глаза истинѣ: вмѣстѣ съ кончиной Н. Я. Грота завершился, такъ сказать, героическій періодъ существованія нашего Общества, — періодъ бурныхъ стремленій, свѣтлыхъ мечтаній и надеждъ, молодыхъ разочарованій, которыя не обезкураживаютъ, а только сильнѣе заставляютъ бороться. *Это* кончено, — молодость не повторяется!

Н. Я. Гротъ родился въ 1852 г. въ высоко образованной семьѣ. Его отецъ Я. К. Гротъ извѣстенъ всей Россіи своими научными трудами. Николай Яковлевичъ воспитался въ средѣ, жившей самыми широкими умственными интересами: въ домѣ его родителей, а также и домахъ его дяди по отцу К. К. Грота и дядей по матери Н. П. и П. П. Семеновыхъ собирались многіе видные представители литературы и науки въ Петербургѣ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ у покойнаго Н. Я. Грота очень рано установились близкія, дружескія связи. Такъ, еще будучи студентомъ, Н. Я. Гротъ сошелся съ

К. Д. Кавелинымъ, который очень его полюбилъ, несмотря на различіе въ возрастѣ. Въ это время Кавелинъ велъ свою знаменитую полемику съ И. М. Сѣменовымъ; по ея поводу между Кавелинымъ и его юнымъ другомъ происходили самыя горячіе споры. Н. Я. Гротъ сочувствовалъ воззрѣніямъ его противника и не скрывалъ этого. Несмотря на его молодость, Кавелинъ весьма интересовался его возраженіями и внимательно къ нимъ прислушивался.

Н. Я. Гротъ поступилъ въ Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, окончивъ курсъ въ Ларинской гимназіи. Въ своихъ студенческихъ занятіяхъ онъ обнаруживалъ блестящія способности и большое увлеченіе изучаемыми науками. Его любимыми предметами были исторія и философія. Между философскими дисциплинами онъ рано съ особымъ вниманіемъ сосредоточился на психологіи (можетъ быть, подъ влияніемъ бесѣдъ съ Кавелинымъ) и въ цѣляхъ болѣе широкаго изученія ея старался познакомиться съ естественными науками. Онъ отлично окончилъ курсъ, получивъ золотую медаль за сочиненіе по древней философіи. По окончаніи Петербургскаго университета въ 1875 году, Н. Я. Гротъ уѣзжаетъ на годъ за границу. Въ слѣдующемъ году онъ уже былъ назначенъ профессоромъ философіи въ историко-филологическій институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Здѣсь онъ прослужилъ до 1883 года. Въ 1883 году онъ дѣлается профессоромъ Новороссійскаго университета; въ 1886 году онъ былъ переведенъ на философскую кафедру въ Москвѣ.

Литературная дѣятельность покойнаго началась рано и была очень плодотворна. Я назову только тѣ его сочиненія и статьи, которыя имѣли особенно важное значеніе въ развитіи его философскаго міросозерцанія: „Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ“ (1879 — 1880 г., магистерская диссертация); „Къ вопросу о реформѣ логики; опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ“ (1882, докторская диссертация); „Опытъ новаго опредѣленія понятія прогресса“, 1883; „Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству“,

1883; „Къ вопросу о классификаціи наукъ“, 1884; „Дж. Бруно и пантеизмъ“, 1885; „О душѣ въ связи съ современнымъ ученіемъ о силѣ“, 1886; „О значеніи философіи Шопенгауэра“, 1888; „Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности чело-вѣка“, 1889; „Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности, 1889; „La causalité et la conservation de l'énergie dans le domaine de l'activité psychique“, 1890; „Жизненные задачи психологіи“, 1890; „Что такое метафизика?“ 1890; „Основаніе нравственнаго долга“, 1892; „Нравственные идеалы нашего времени—Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой“, 1893; „Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи“, 1894; „О времени“, 1894; „Устой нравственной жизни и дѣятельности“, 1895; „Основанія экспериментальной психологіи“, 1895; „Памяти Н. Н. Страхова. Къ характеристикѣ его міросозерцанія“, 1896; „Понятія о душѣ и психической энергіи въ психологіи“, 1897; „Критика понятія прогресса“, 1898.

В. И. Шенрокъ, въ своихъ теплыхъ воспоминаніяхъ о Н. Я. Гротѣ въ годы студенчества, говоритъ о немъ такъ *): „Сдѣлавшись студентомъ, Гротъ необыкновенно скоро, можно сказать, тотчасъ же, обратилъ на себя общее вниманіе своего курса замѣчательной жизнерадостностью, соединенной съ чрезвычайной общительностью и привѣтливостью ко всѣмъ товарищамъ; онъ скорѣе многихъ знакомился съ однокурсниками и, невольно привлекая къ себѣ своимъ характеромъ, значительно способствовалъ на первыхъ порахъ общему взаимному ознакомленію. Изъ свойствъ личнаго характера Грота, укажу еще необыкновенную бодрость духа. Все, что ему приходилось испытывать горькаго и тяжелаго, онъ всегда умѣлъ какъ-то незамѣтно перерабатывать въ себѣ; по крайней мѣрѣ, насколько помню, мнѣ не приходилось видѣть, чтобы онъ падалъ духомъ или впадалъ въ минорныя ноты, или же это было мимолетно“. Какимъ Н. Я. Гротъ былъ смолоду, такимъ онъ остался на всю

*) „Рус. Вѣд.“, № 144.

жизнь: жизнерадостность, общительность, бескорыстная, сердечная участливость ко всѣмъ, съ кѣмъ его сводила судьба, и въ то же время огромная предприимчивость и энергія,—вотъ тѣ качества, которыя въ немъ бросались въ глаза прежде всего. Это былъ человѣкъ страшно впечатлительный и порывистый; казалось бы, при такой натурѣ, въ немъ должна была развиться неустойчивость и изменчивость въ увлеченіяхъ. Но его впечатлительность уравновѣшивалась въ немъ своеобразной выдержкой: однажды взявшись за какое-нибудь дѣло, онъ всегда доводилъ его до конца. Въ воспоминаніяхъ г. Шенрока мы находимъ чрезвычайно живой рассказъ о томъ, какъ Николай Яковлевичъ, замѣтивъ, что его товарищи-студенты, при слушаніи лекцій по древней исторіи затрудняются отсутствіемъ карты древняго Рима, весь отдался изданію такой карты и цѣлыя недѣли проводилъ за черченіемъ, всевозможными справками и хлопотами по литографированію; а въ слѣдующемъ году составилъ подобную же карту древней Греціи. Такимъ онъ былъ во всемъ: арена его дѣятельности постепенно расширялась, но его характеръ оставался прежнимъ. Твердость въ преслѣдованіи цѣлей соединялась въ Н. Я. Гротѣ съ замѣчательнымъ талантомъ организатора. Оттого, куда бы онъ ни появлялся, всюду онъ вносилъ чрезвычайное оживленіе и не мимолетное и случайное, а сопровождавшееся самыми плодотворными послѣдствіями. Пріѣзжаетъ онъ въ Нѣжинъ, и онъ приводитъ въ образцовый порядокъ бібліотеку тамошняго института. Появляется онъ въ Одессѣ, и немедленно тамъ устраивается курсъ публичныхъ лекцій, съ участіемъ лучшихъ силъ университета, имѣвшій шумный успѣхъ. Переводятъ Н. Я. Грота въ Москву, и онъ сразу становится во главѣ Психологическаго Общества и дѣлаетъ изъ него то, что оно есть теперь,—заводитъ философскій журналъ и принимаетъ на себя всю тягость его веденія,—предпринимаетъ отъ Общества цѣлый рядъ научно-философскихъ изданій. При этомъ онъ читаетъ публичныя лекціи, со свойственнымъ ему увлеченіемъ участвуетъ въ раз-

личныхъ ученыхъ и педагогическихъ собраніяхъ, пишетъ публицистическія статьи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ въ газетахъ и общихъ журналахъ. Наконецъ, онъ беретъ на себя иногда службу, постороннюю для университета. Трудно вообразить себѣ дѣятельность болѣе кипучую,—ея смѣло могло бы хватить на нѣсколько человѣкъ! А между тѣмъ Н. Я. Гротъ вовсе не обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ: переутомленіе въ немъ часто сказывалось, особенно въ послѣдніе годы. Ему приходилось останавливаться въ работѣ и по-долгу отдыхать. Но все-таки, несмотря ни на что, онъ дѣлалъ страшно много.

Очень энергичные люди часто бываютъ суровы, нетерпимы, требовательны къ окружающимъ. Н. Я. Гротъ въ этомъ отношеніи представлялъ рѣзкое исключеніе: наиболѣе дорогими чертами его личности были поразительная доброта и женская мягкость его сердца. Правду сказалъ о немъ В. И. Шенрокъ въ приведенной выше цитатѣ: онъ не только самъ дружилъ скоро и прочно съ какою-то дѣтскою неудержимою искренностью,—онъ обладалъ загадочнымъ искусствомъ заставить тѣхъ, съ кѣмъ сошелся онъ, подружиться между собою. Московское Психологическое Общество до пріѣзда Н. Я. Грота состояло изъ лицъ мало знакомыхъ другъ другу; послѣ его появленія огромное большинство постоянныхъ посѣтителей засѣданій общества,—люди самыхъ разнообразныхъ профессій,—слились въ одинъ тѣсный дружескій кружокъ, связанный крѣпкими узами взаимнаго сочувствія. Но отзывчивость, откровенность и благожелательность Н. Я. Грота не распространялись только на тѣхъ, кого онъ хорошо зналъ и часто видѣлъ. Онъ ни отъ кого не скрывался, интересовался всякимъ мнѣніемъ и каждому готовъ былъ высказать, что онъ думаетъ. Этимъ объясняется его колоссальная корреспонденція, отнимавшая у него очень много времени. Ему писали со всѣхъ концовъ Россіи, обращаясь иногда съ очень трудными и тонкими вопросами; и онъ всѣмъ отвѣчалъ и считалъ это своей нравственной обязанностью. Оттого онъ былъ такъ популяренъ: къ нему

всегда можно было прийти, рассказать все, что есть на душѣ, и никто не слышалъ отъ него сухого и гордаго отвѣта. Смѣло можно было идти къ нему и со всякою практической нуждою. Въ такихъ случаяхъ онъ готовъ былъ сдѣлать все и хлопоталъ безъ конца. Я никогда не встрѣчалъ человѣка, который былъ бы такъ скоръ на помощь. Понятно, что при такихъ качествахъ характера Н. Я. Гротъ умѣлъ быть настоящимъ, преданнымъ другомъ. Для лицъ, къ нему близкихъ, въ немъ теряется несказанно много. Раны, наносимыя такими потерями, долго даютъ себя чувствовать.

Изъ этихъ свойствъ Н. Я. Грота, какъ человѣка, и изъ всего склада его ума вытекають его особенности, какъ мыслителя. Его философская мысль отличается чрезвычайной воспримчивостью и широкимъ примирительнымъ направлениемъ. Какъ въ каждомъ встрѣчномъ человѣческомъ мнѣніи онъ старался отыскать скрывающуюся въ немъ крупину правды, такъ и въ каждомъ философскомъ ученіи онъ стремился выдѣлать содержащееся въ немъ зерно истины. Во всѣхъ своихъ философскихъ построеніяхъ онъ постоянно пытался найти средину между крайностями и гармонически примирить противоположныя тенденціи различныхъ философскихъ школъ. При этомъ онъ не былъ мыслителемъ замкнутымъ, которой пробивалъ бы свою особую дорогу, отвлекшись отъ всего, что думаютъ другіе. Для этого онъ былъ слишкомъ впечатлителенъ, слишкомъ захваченъ той умственной атмосферой, въ которой живутъ всѣ. Поэтому онъ не столько творецъ совсѣмъ новыхъ взглядовъ, сколько искусный систематизаторъ, одушевленный толкователь и талантливый популяризаторъ тѣхъ идей, которыя носятъ въ воздухѣ, составляютъ общую духовную пищу и являются интимною подкладкой общественныхъ настроеній. Это не мѣшало Н. Я. Гроту быть философомъ самостоятельнымъ: наоборотъ, можно было бы отмѣтить очень многіе пункты, въ которыхъ Н. Я. Гротъ высказывалъ вполне самобытныя, замѣчательно своеобразныя воззрѣнія. Здѣсь я говорю только

о томъ, что выдвигалось на первый планъ въ его умствен-
номъ обликѣ.

Воззрѣнія Н. Я. Грота не составляли разъ навсегда сло-
жившейся, законченной и неподвижной системы. Напротивъ,
они у него неоднократно мѣнялись и въ частностяхъ, и даже
въ самомъ существѣ. Покойный совсѣмъ не признавалъ
возможности разъ навсегда разрѣшить всѣ вопросы и въ
полной неподвижности міросозерцанія видѣлъ лучшее дока-
зательство его мертвенности и односторонности. Въ общемъ
можно указать двѣ рѣзко разграниченныя эпохи его фило-
софскаго роста. Онъ началъ свою философскую дѣятельность,
когда въ Россіи, и въ университетахъ, и въ литературѣ, и
въ кружкахъ молодежи, почти безраздѣльно господствовало
позитивное направленіе,—Н. Я. Гротъ также примкнулъ къ
нему: онъ вырабатываетъ широкую философскую теорію, въ
которой стремится примирить феноменистическій эмпиризмъ
англичанъ со строго реалистическимъ пониманіемъ дѣйстви-
тельности. Въ это время на его взглядахъ рѣшительно
сказывается вліяніе Герберта Спенсера. Свои изслѣдованія
онъ сосредоточиваетъ на психологіи и создаетъ связанную
съ его именемъ теорію *психическаго оборота*. Рядомъ съ
этимъ, на почвѣ полученныхъ имъ психологическихъ выво-
довъ, онъ пытается реформировать логику. Въ этотъ пе-
ріодъ своей дѣятельности онъ еще не признаетъ филосо-
фіи за самостоятельную науку. Онъ держится мнѣнія, что
объ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ не можетъ быть двухъ
наукъ; общіе выводы о дѣйствительно существующемъ да-
ются специальными науками, а что идетъ дальше этихъ вы-
водовъ, то лежитъ уже внѣ науки и опирается на чувство;
поэтому нѣтъ и не можетъ быть общей философіи міра,
обязательной для всѣхъ. Въ области этики онъ прово-
дитъ, въ весьма умѣренной формѣ, утилитарный взглядъ
на нравственные вопросы и защищаетъ детерминизмъ, въ
объясненіи фактовъ человѣческой воли, съ замѣчательною
ясностью и полнотою аргументаціи. Нужно отдать спра-
ведливость: воззрѣнія именно этого перваго періода въ

философскомъ творествѣ покойнаго нашли себѣ въ его сочиненіяхъ наиболѣе законченное и систематическое выраженіе.

Вторая эпоха развитія взглядовъ Н. Я. Грота совпадаетъ съ распространеніемъ въ русской философской литературѣ идеалистическаго движенія, направленнаго противъ крайностей позитивизма и реализма. Н. Я. Гротъ приходитъ къ убѣжденію, что философія должна занимать особое, ей только принадлежащее мѣсто среди другихъ проявленій духовнаго творчества и что она имѣетъ свои самостоятельныя задачи. Въ объясненіе самобытной роли философіи въ умственной области онъ выдвигаетъ ученіе о чувствѣ, какъ о способности непосредственнаго проникновенія во внутреннее существо вещей. Философія не искусство, но и не наука,— она должна представлять всеобъемлющій синтезъ всѣхъ данныхъ сознанія: она есть чувство всемірной жизни, переведенное въ отчетливыя понятія объ истинно-существующемъ и его идеальныхъ нормахъ. Основа философіи есть метафизика: она представляетъ науку, которая стремится умозрительно опредѣлить абсолютно-достоверныя качественныя отношенія явленій, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго опыта.

Міросозерцаніе Н. Я. Грота въ это время мѣняется и по своему содержанію. Отъ предположеній реалистическаго монизма онъ переходитъ къ дуалистическому взгляду на существующее. Свое новое воззрѣніе онъ называетъ *монодуализмомъ*. Въ основѣ всѣхъ явленій онъ признаетъ единую душу міра, но въ природѣ, какъ она дана нашему наблюденію, онъ предполагаетъ двойственность началъ; на всѣхъ стадіяхъ міроваго процесса встрѣчаются два принципа, находящіеся въ постоянной борьбѣ между собою: *сила-духъ* и *матеріа-сила*. Первое представляетъ активное начало дѣйствительности,—оттого всякая активная сила въ мірѣ внутри себя есть нѣчто духовное. Ей противостоитъ сила пассивная, сила сопротивленія,—то, что мы называемъ матеріей. Раз-

вѣтіе міра заключається въ непрерывномъ осуществленіи побѣды духовной силы надъ матеріальной: *прогрессъ* не есть только фактъ исторіи,—прежде всего это законъ космическій. Высшимъ продуктомъ мірового процесса, къ которому онъ весь направленъ, является духовное самосознаніе. Въ своихъ послѣднихъ статьяхъ Н. Я. Гротъ старался связать эти свои взгляды съ ученіемъ о сохраненіи энергіи и съ собственной гипотезой о неизбѣжномъ превращеніи низшихъ формъ энергіи въ высшія.

Соотвѣтственно перемѣнамъ въ руководящихъ идеяхъ міросозерцанія измѣняется взглядъ Н. Я. Грота и на человѣческую природу. Онъ также пріобрѣтаетъ дуалистическую окраску. Н. Я. Гротъ полагаетъ, что въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ индивидуальнаго и относительнаго субъекта, котораго можно назвать его животною личностью, присутствуетъ субъектъ общій, міровой, подчиненный объективнымъ законамъ истины и добра, въ которомъ непосредственно реализуется Божественность всемірнаго духа. Свобода воли состоитъ въ открытой всегда для нашего внутренняго я возможности или отдаться побужденіямъ нашей животной, эгоистической личности, или покориться внушеніямъ высшей силы въ насъ. Поэтому Н. Я. Гротъ становится убѣжденнымъ защитникомъ свободы человѣческой воли. Въ своихъ этическихъ теоріяхъ этого періода онъ испыталъ замѣтное вліяніе идей гр. Л. Н. Толстого.

Таковы, — правда, въ очень сухомъ и схематическомъ очеркѣ,—философскія воззрѣнія Н. Я. Грота. Въ виду краткости моей статьи, я не могъ передать тѣхъ діалектическихъ пріемовъ, при помощи которыхъ онъ развивалъ ихъ,—не могъ указать всѣхъ оттѣнковъ и примѣненій, которые онъ имъ давалъ въ своихъ многочисленныхъ и содержательныхъ статьяхъ. Не могъ я передать и той теплоты внутренняго убѣжденія, которою всегда согрѣвалось его блестящее, талантливое изложеніе. Но если бы я даже гораздо болѣе подробно остановился на его отдѣльныхъ теоріяхъ,

я не передалъ бы самаго главнаго: сила покойнаго была не въ его отдѣльныхъ взглядахъ, которые нерѣдко мѣнялись, а въ его цѣлостной личности, въ его всегда ясномъ и добромъ настроеніи, въ неудержимой смѣлости его стремлений къ однажды намѣченной задачѣ, въ нелицемѣрномъ сочувствіи всему хорошему, наконецъ — въ его горячемъ, искреннемъ словѣ!

При той натурѣ, которая была у покойнаго, онъ какъ бы родился быть профессоромъ. Несомнѣнно, онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ лекторовъ въ нашемъ университетѣ. Его лекціи привлекали толпу студентовъ со всѣхъ факультетовъ. Своими блестящими импровизаціями нерѣдко онъ впервые зажигалъ въ томъ или другомъ слушателѣ интересъ къ философскимъ вопросамъ, который потомъ уже не оставлялъ ихъ никогда. Когда, по болѣзни, онъ не могъ являться на лекцію, для многихъ его учениковъ это было настоящимъ огорченіемъ. Не меньшею популярностью пользовались его семинаріи по философіи, которые онъ велъ чрезвычайно оригинально. Онъ предоставлялъ полную свободу въ выборѣ темъ для рефератовъ: студентъ могъ прийти къ нему съ сочиненіемъ, посвященнымъ какому-нибудь вопросу по всеобщей исторіи или по литературѣ, или съ психологическимъ изслѣдованіемъ, или, наконецъ, просто съ критическою статьей о какомъ-нибудь вновь вышедшемъ беллетристическомъ произведеніи,—онъ ко всѣмъ относился одинаково внимательно, стараясь извлечь въ предлагаемомъ матеріалѣ то, что можетъ имѣть интересъ для психолога или философа. Иногда онъ самъ предлагалъ на обсужденіе слушателей разные вопросы, занимавшіе его въ данную минуту, и, какъ равный съ равными, вступалъ съ ними въ оживленные споры. И какимъ онъ былъ со студентами въ стѣнахъ университета, такимъ онъ былъ съ ними и у себя дома. Они часто посѣщали его, подолгу съ нимъ бесѣдовали, и онъ горячо принималъ къ сердцу ихъ нужды, никогда не отказывая въ добромъ совѣтѣ. Зато съ какимъ

недоумѣвающимъ, горькимъ чувствомъ узнали очень многіе изъ нихъ объ его кончинѣ!

Вообще, замѣчательно то единодушное горе, съ которымъ встрѣтили смерть Николая Яковлевича Грота всѣ его знавшіе. Умеръ не только ученый, не только талантливый писатель,—умеръ хорошій человѣкъ съ отзывчивымъ, мягкимъ сердцемъ и незамѣнимый общественный дѣятель на скудной нивѣ русскаго просвѣщенія.

Л. Лопатинъ.
